

Истоки

Москва в творческой судьбе Ивана Сергеевича Тургенева

Юрий Владимирович Лебедев

В статье «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1835) А.С. Пушкин писал: «Некогда соперничество между Москвой и Петербургом действительно существовало. Некогда в Москве пребывало богатое не служащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебосольству; некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое изо всех провинций

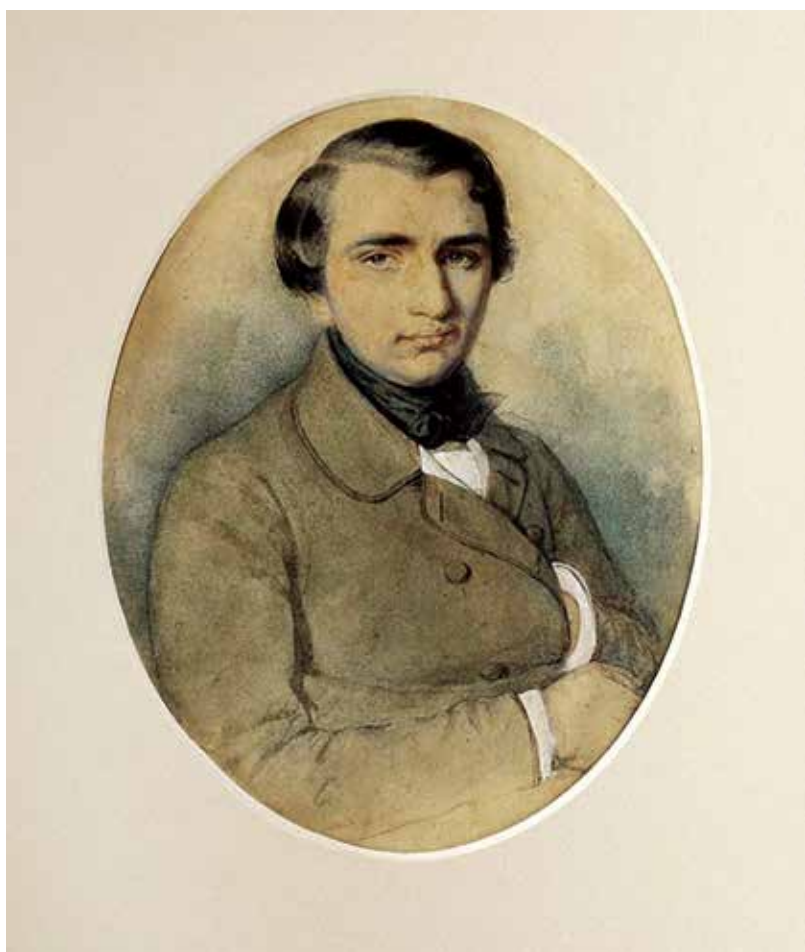
съезжалось в нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда ж из Петербурга. Во всех концах древней столицы гремела музыка, и везде была толпа. В зале Благородного собрания два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками; московские обеды (так оригинально описанные князем Долгоруким¹), вошли в поговорку. Невинные странности москвичей были признаком их независимости. Они жили по-своему, забавлялись, как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. <...> Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы².

1812 год выявил историческую роль Первопрестольной как сердца России. Восстав из пепла, она привлекла к себе внимание всего мира. Москве-Фениксу в поэме «Бронзовый век» Байрон посвятил такие стихи:

*Москва, Москва, пред пламенем твоим
Померк вулканов озаренный дым...
Москва! Был грозен, и суров, и строг
Тобой врагам преподанный урок!³*

Ключевую роль Москвы в духовном развитии России отмечали многие современники И.С. Тургенева. Н.А. Мельгунов: «Не в Москве ли был воспитан Ломоносов, этот первый русский и самобытный представитель европейской науки? Не в Москве ли действовал Новиков? Не здесь ли прошла молодость Карамзина, внесшего европейский и вместе чисто русский элемент в наш язык и литературу?»⁴

К.А. Горбунов.
Портрет Ивана
Сергеевича Тургенева.
Акварель.
1838–1839 годы.
Государственный
литературный музей

*Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!* (5, 156)

Эти слова Пушкина, которого Тургенев с юности боготворил, можно считать эпиграфом к «блуждающей судьбе» самого автора «Записок охотника», так и не свившего семейного гнезда и всю жизнь свою обратившего в нескончаемое странствие. Однако корневые, глубинные основы его мировоззрения и творчества закладывались именно здесь, в древней русской столице.

* * *

«Тридцать лет тому назад, — писал А.И. Герцен в 1856 году, — Россия будущего существовала исключительно между несколькими мальчиками, только что вышедшими из детства»⁵. Эти «мальчики» впоследствии составили славное поколение «людей сороковых годов». «Что же коснулось этих людей, чье дыхание пересоздало их? Ни мысли, ни заботы о своем общественном положении, о своей личной выгоде, об обеспечении; вся жизнь, все усилия устремлены к общему без всяких личных выгод; одни забывают свое богатство, другие — свою бедность и идут, не останавливаясь, к разрешению теоретических вопросов. Интерес истины, интерес науки, интерес искусства, гуманизм — поглощает все. <...> Где, в каком углу современного Запада найдете вы таких отшельников мысли, схимников науки, фанатиков убеждений, у которых седеют волосы, а стремления вечно юны?» И со знанием дела Герцен отвечал — нигде! «В современной Европе нет юности и нет юношей» (5, 42–43).

«Ведь русские мальчики как до сих пор орудуют? — вторил Герцену Ф.М. Достоевский. — Вот, например, здешний трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трак-

тира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что ж, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие? А которые в Бога не веруют, ну те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это <...> все те же вопросы, только с другого конца»⁶.

Именно «люди сороковых годов» бросили в отечественную почву зерна самобытной русской мысли, определившие неповторимый облик классической русской литературы второй половины XIX века.

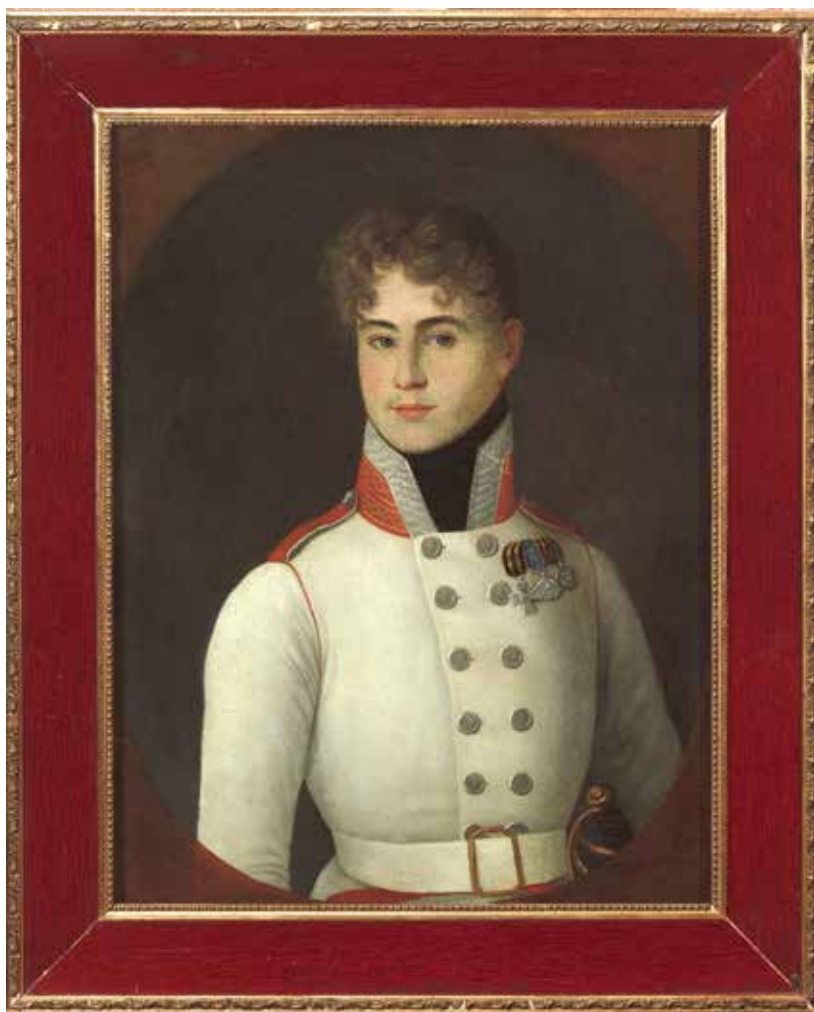

Неизвестный художник.
[Иван Тургенев
в семь лет].
Акварель. 1825 год

* * *

В начале 1827 года Тургеневы сняли дом в Москве на Самотеке, и все семейство переехало сюда из Спасского: пришла пора готовить детей к поступлению в высшие учебные заведения. Родители — Сергей Николаевич и Варвара Петровна — определили сыновей Николая и Ивана в частный пансион Вейденгаммера на полное содержание.

Переход от домашнего к казенному воспитанию девятилетнему Ивану давался нелегко. Он скучал о Спасской усадьбе, об укромных уголках тенистого сада, о добрых друзьях-

Неизвестный художник.
**Сергей Николаевич
Тургенев.** Холст, масло.
1810-е годы

охотниках... Вероятно, воспоминаниями пансионской жизни навеяны следующие строки из повести «Яков Пасынков»: «Я был очень самолюбивый и избалованный мальчик, вырос в довольно богатом доме и потому, поступив в пансион, поспешил сблизиться с одним князьком <...> да еще с двумя-тремя маленькими аристократами, а со всеми другими важничал»⁷.

Тем не менее приходилось смиряться с суровым распорядком. Подъем в семь часов, молитва, завтрак, классы... Всемирная история по Шреку, география по Каменецкому, русская история по книге, изданной для народных училищ... Наказания нерадивых учеников — от стояния на коленях у кафедры до ударов указкой или линейкой... Еженедельно по субботам надзиратель отдавал Вейденгаммеру рапортчики со списками учени-

Неизвестный художник.
Варвара Петровна Лутовинова.
Миниатюра на кости. 1810-е годы

И. Пиркс (?). **[Иван Тургенев в 12 лет].**
Акварель. 1830 год

ков, замеченных в дурном поведении: в наказание они оставались в пансионе на выходные дни.

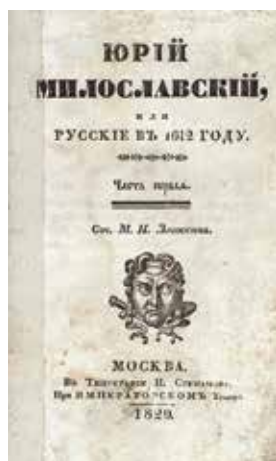
Языки древние (греческий, латинский) и современные (немецкий, английский, французский) давались Ивану легко. Радовали уроки русской словесности. Литература вообще и поэзия в особенности были тогда предметом всеобщего поклонения. Заучивались наизусть стихи Пушкина, Жуковского, Батюшкова, Дельви-

га, Глинки, Козлова, Боратынского, составлялись рукописные тетради из произведений любимых поэтов. Здесь Иван пережил «сильное литературное впечатление»: по вечерам надзиратель пансиона с увлечением и красочными подробностями пересказывал ученикам новый роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский» — о национально-освободительной борьбе русского народа с польско-литовскими интервентами. Вся Россия зачитывалась тогда «Юрием Милославским», автор которого был частым гостем в доме Тургеневых. Роман напоминал мальчику о славной истории его рода, о Петре Никитиче Тургеневе — обличителе самозванца, в 1606 году бесстрашно бросившем в лицо Лжедмитрию: «Ты не сын царя Иоанна, а Гришка Отрепьев, беглый монах, я тебя знаю!» и за это подвергнутом жестоким пыткам и казни — по преданию, на Лобном месте. Подвиг Петра Никитича нашел отражение на фамильном гербе: «Под рыцарским лазуревом цвета с золотым подбоем наметом, увенчанным шлемом с обыкновенною золотою дворянскою короной, осеняемою тремя страусовыми перьями, поставлен щит, разделенный на четыре равные части, из

Михаил Николаевич Загоскин

Первое издание «Юрия Милославского»

Герб семьи Тургеневых

коих в нижней половине в левой части в голубом поле — золотая звезда, из Золотой Орды происхождение рода Тургеневых показывающая, над кою серебряная рогатая луна, означающая прежний магометанский закон; а над сею частию, в верхней половине на левой части, в серебряном поле парящий с распростертыми крыльями и как бы отлетающий от луны орел, смотрящий вверх, — означает удаление от магометанства и воспарение к свету христианской веры. В той же верхней половине в правой части в красном поле — обнаженный с золотою рукояткою меч в воспоминание кровавого заклания страдальца Петра Никитича Тургенева от Гришки Отрепьева самозванца за безбожественное обличение его; в нижней половине на правой части в золотом поле — готовый оседланный бегущий по зеленому лугу конь, показывающий всегдашнюю рода Тургеневых готовность и ревность к службе государю и отечеству»⁸.

Не без влияния родителей в сознание И.С. Тургенева с детских лет вошли судьбы декабристов. Мальчику исполнилось семь лет, когда прогремели пушки на Сенатской площади. Восстание, следствие по делу участников и жестокий приговор оказались предметом заинтересованных пересудов. По соседству с родовым именем Тургеневых жил их родственник Сергей Иванович Кривцов. Причастный к восстанию, он был сослан в Сибирь. Отец и мать Ивана глубоко сочувствовали несчастной судьбе Кривцова и посылали ему вещи и деньги. Иван не раз слышал беседы взрослых о положении ссыльных дворян. Варвара Петровна писала сыну в Берлин: «И ежели бы ты был сослан в 1826 году в Сибирь, я бы не осталась, с тобою, с тобою»⁹. В доме Тургеневых жил глухой камердинер отца Михаил Филиппович. Семья в большом секрете держала так и не разгаданную до конца историю, случившуюся с отцом и его слугой в Петербурге

Родион Егорович
Гринвальд

14 декабря 1825 года. Вот характерное воспоминание: «В один из своих приездов друг дома Р.Е. Гринвальд вместе с Варварой Петровной вошел в библиотеку. Михайло Филиппович встал, и лицо его озарилось не улыбкой, этого никто у него не видал, а как-то просияло. “Что, старик, жив? Здравствуй!” — обратился к нему генерал. — “Здравствуйте, батюшка, ваше превосходительство, жив-то жив, да вот глух стал — ничего не слышу”. — “Он оглох после 14-го. Вы помните?” — вмешалась Варвара Петровна. — “Да, старина, много мы с тобой тогда страху видели”, — кричал генерал над ухом старика. — “Да, да, ваше превосходительство, палили, страсть как палили!”»¹⁰

Из разговоров родителей мальчик знал, что Николай I относился ко всем Тургеневым настороженно и недоброжелательно. В 1832 году, например, император лично приказал вести за Сергеем Николаевичем секретное наблюдение, так как тот был знаком с одним из самых крупных идеологов декабристского движения Николаем Ивановичем Тургеневым, а с его братом Александром Ивановичем вел переписку и в 1832 году встречался в Париже.

В переходный период от детства к отрочеству большую роль в жизни Ивана сыграл младший брат отца Николай Николаевич, взявший на себя заботу о воспитании племянников. Иван очень привязался к дядюшке, называл его вторым отцом. Николай Николаевич юнкером кавалергардского полка участвовал в Отечественной войне 1812 года. За храбрость в Бородинском сражении его наградили знаком отличия Военного ордена, произвели в поручики. В 1814 году Николай Николаевич вошел со своим эскадронном в Париж и покориł избранное французское общество необыкновенной физической силой. В одном из гимнастических залов, заключив пари, он так растянул силовую пружину, что вырвал ее из стены вместе с креплениями. В Париже долго ходили легенды об этом «подвиге» русского богатыря.

По вечерам, когда съезжались гости, дети любили слушать их воспоминания о славных днях 1812 года. Дом Тургеневых часто навещали офицеры — приятели отца. Будоражили воображение впечатлительного Ванечки воспоминания о Бородине, о пожаре Москвы, о патриотическом подъеме русского народа и бесславном бегстве французов, о герое партизанской войны Денисе Давыдове и легендарной старостихе Василисе. Сюда вплетались и рассказы об участии отца в Бородинской битве, где он «храбро врезался в неприятеля и поражаł его с неустрашимостью», был «ранен картечью в руку» и награжден Георгиевским крестом. В Белостоке Сергей Николаевич спас от смерти сослуживца — больного тифом юнкера Родиона Егоровича Гринвальда. Этот человек, как мы помним, всегда являлся желанным гостем в доме Тургеневых. Добродушный и ласковый, он очень любил детей, тешил рассказами любознательного Ивана, а после смерти Сергея Николаевича проявлял отеческую заботу об отпрысках своего безвременно ушедшего друга.

В Москве дворецким у Тургеневых служил Кирилл Софронович Тоболе-

ев. По предположению Н.М. Чернова, личность дворецкого отразилась в образе Поликарпа из тургеневского рассказа «Татьяна Борисовна и ее племянник», вошедшего в «Записки охотника»¹¹. С детства запомнился Ивану Сергеевичу этот «личный враг Наполеона, или, как он говорил, Бонапартишки <...> К Поликарпу на подмогу приставлен его же внук Вася, мальчик лет двенадцати, кудрявый и быстроглазый; Поликарп любит его без памяти и ворчит на него с утра до вечера. Он же занимается и его воспитанием. “Вася, — говорит, — скажи: Бонапартишка разбойник”. — “А что дашь, тятя?” — “Что дам?.. Ничего я тебе не дам... Ведь ты кто? Русский ты?” — “Я амчанин, тятя: в Амченске родился”. — “О, глупая голова! да Амченск-то где?” — “А я почему знаю?” — “В России Амченск, глупый”. — “Так что ж, что в России?” — “Как что? Бонапартишку-то его светлейшество покойный князь Михайло Илларионович Голенищев-Кутузов Смоленский с Божиею помощью из российских пределов выгнать изволил. По этому случаю и песня сочинена: Бонапарту не до пляски, растерял свои подвязки... Понимаешь: отечество освободил твое”. — “А мне что за дело?” — “Ах ты, глупый мальчик, глупый! Ведь если бы светлейший князь Михайло Илларионович не выгнал Бонапартишки, ведь тебя бы теперь какой-нибудь мусье палкой по маковке колотил. Подошел бы этак к тебе, сказал бы: коман ву порте ву? — да и стук, стук”. — “А я бы его в пузо кулаком”. — “А он бы тебе: бонжур, бонжур, вене иси, — да за хохол, за хохол”. — “А я бы его по ногам, по ногам, по цибулястым-то”. — “Оно точно, ноги у них цибулястые... Ну, а как он бы руки тебе стал вязать?” — “А я бы не дался; Михея-кучера на помощь бы позвал”. — “А что, Вася, ведь французу с Михеем не сладить?” — “Где сладить! Михей-то во как здоров!” — “Ну, и что ж бы вы его?” — “Мы бы его по спине, да по спине”. — “А он бы пардон закричал:

пардон, пардон, севуплей!” — “А мы бы ему: нет тебе севуплея, француз ты этакой!..” — “Молодец, Вася!.. Ну, так кричи же: разбойник Бонапартишка!” — “А ты мне сахару дай!” — “Экой!..» (Соч. 4, 201–202. К этому эпизоду автор сделал примечание: «В простонародье город Мценск называется Амченском, а жители амчанами. Амчане ребята бойкие; недаром у нас недругу сулят “амчанина на двор”»).

* * *

В 1831 году Иван вышел из пансиона и с помощью домашних учителей стал готовиться к поступлению в университет. Ежедневно к восьми часам утра они с братом являлись в классную комнату и рассаживались за столами перед учительской кафедрой. Русскую словесность преподавал им магистр Московского университета Дмитрий Никитич Дубенский — знаток древнерусской литературы, исследователь «Слова о полку Игореве». В 1828–1829 гг. в университетском пансионе у него учился М.Ю. Лермонтов. Дубенский с воодушевлением читал оды Державина, был поклонником Карамзина, Батюшкова и Жуковского. В 1828 году вышла его книга «Опыт о народном русском стихосложении», пробудившая интерес Ивана к фольклору, родному языку и «русскому складу» стиха. Господин Дубле, преподаватель французского языка, предлагал братьям делать переводы «Генриады» Вольтера и политических речей Мирабо. Мейер помогал юношам совершенствовать свои познания немецкого языка, Шуровский обучал их латыни и начаткам философии. Платон Николаевич Погорельский преподавал математику, да так успешно, что сделал ее одним из любимых предметов Ивана. Но особенно содержательными и увлекательными были лекции по истории Ивана Петровича Ключникова — студента Московского университета, друга В.Г. Белинского и Н.В. Станкевича, члена их философского кружка. Рассказы

Иван Петрович
Ключников

Клюшникова отличались живой образностью и картинностью изложения, он обладал даром проникать в «дух исторических эпох». Да это и не случайно, так как молодой человек являлся не только пытливым и талантливым студентом, но и незаурядным поэтом, творчество которого высоко оценивал Белинский.

Летом 1833 года перед поступлением в университет «на даче против Нескучного» Тургенев пережил первую несчастную любовь к княжне Екатерине Львовне Шаховской. Она нанесла неокрепшему сердцу отрока глубокую рану: соперником сына оказался отец. Это событие нашло отражение в автобиографической повести «Первая любовь».

В июне С.Н. Тургенев едет к помощнику попечителя Московского учебного округа Д.П. Голохвастову и просит позволить его сыну Ивану, не достигшему еще и 15-летнего возраста, держать вступительные экзамены в Московский университет. Голохвастов отвечает отказом, ссылаясь на правила Министерства народного просвещения, согласно которым в студенты должны приниматься юноши не моложе 17 лет. Тогда отец ходатайствует за сына перед директором училищ Московской губернии М.А. Окуловым, который обращается к министру народного просвещения С.С. Уварову со следующим письмом: «Был у меня вчера Сергей Николаевич Тургенев. У него два сына, которых он готовил к военной службе, но меньший оказал столь великие успехи и страсть его столь велика к занятиям, что он никак и слышать не хочет о военной службе и желает продолжать учение в Университете»¹². Окулов просит министра разрешить Ивану Тургеневу, несмотря на его несовершеннолетие, сдать экзамены в университет. 4 (16) августа И.С. Тургенев пишет прошение о включении его после надлежащего испытания «в число своекоштных студентов по Словесному отделению» и при этом завышает свой возраст: «От роду мне шест-

Иван Александрович Гончаров

Старое здание Московского университета на Моховой. Фотография 1872 года

надцатый год». Получив в сентябре 1833 года разрешение, он держит экзамены. Условия поступления были очень строгими: претенденты подвергались испытаниям не только по специальному, но и по всем предметам гимназического курса, причем особое внимание уделялось знанию иностранных языков. Из 167 экзаменовавшихся приняли лишь 25 человек. Среди них оказался и Тургенев.

«Мы, юноши, полвека тому назад смотрели на университет как на святилище и вступали в его стены со страхом и трепетом, — вспоминал И.А. Гончаров. — Образование, вынесенное из университета, ценилось выше всякого другого. Москва гордилась своим университетом, любила студентов как будущих самых полезных, может быть, громких, блестящих деятелей общества. Студенты гордились своим званием и дорожили занятиями, видя общую к себе симпатию и уважение»¹³. В начале 1830-х годов в Московском университете учился будущий цвет русской литературы и социально-философской мысли: А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Н.В. Станкевич, В.Г. Белинский, К.С. Аксаков, М.Ю. Лермонтов, И.А. Гончаров...

В 1831 году кафедру «красноречия, стихотворства и языка российского» на

отделении «словесных наук» занял профессор Иван Иванович Давыдов. За год до поступления Тургенева, 27 сентября 1832-го, лекцию Давыдова по истории русской литературы посетил А.С. Пушкин. По воспоминаниям И.А. Гончарова, «когда он вошел с Уваровым, для меня точно солнце озарило всю аудиторию: я в то время был в чаду обаяния от его поэзии; я питался ею, как молоком матери; стих его приводил меня в дрожь восторга. На меня, как благотворный дождь, падали строфы его созданий (“Евгения Онегина”, “Полтавы” и др.). Его гению я и все тогдашние юноши, увлекавшиеся поэзией, обязаны непосредственным влиянием на наше эстетическое воспитание. <...> “Вот вам теория искусства, — сказал Уваров, обращаясь к нам, студентам, и указывая на Давыдова, — а вот и самое искусство”, — прибавил он, указывая на Пушкина» (7, 207).

Лекции, которые Тургенев слушал у профессора Давыдова, касались в основном поэзии и прозы XVIII столетия. Много внимания уделялось творениям святителя Димитрия Ростовского, церковным проповедям митрополита Стефана (Яворского), читалась риторика и поэтика по старым образцам.

Более яркими были лекции профессора Михаила Григорьевича Павлова по физике, а в действительности — по

Неизвестный художник.
Портрет Ивана
Ивановича Давыдова.
Фрагмент

Михаил Григорьевич
Павлов

А.А. Збруев.
Портрет Александра
Ивановича Герцена.
Холст, масло.
Начало 1830-х годов.
Государственный
исторический музей

философии. Один из первых в России приверженцев Шеллинга, знаток немецкой классической философии, он побуждал студентов к занятию самообразованием в этой области, к созданию самостоятельных студенческих кружков. А.И. Герцен вспоминал: «Германская философия была привита Московскому университету М.Г. Павловым. Кафедра философии была закрыта с 1826 года. Павлов преподавал введение к философии вместо физики и сельского хозяйства. Физике было мудрено научиться на его лекциях, сельскому хозяйству — невозможно, но его курсы были чрезвычайно полезны. <...> Павлов излагал учение Шеллинга и Окена с такой пластической ясностью, которую никогда не имел ни один натурфилософ» (5, 13).

Уход целого поколения русских людей в отвлеченное философствование был закономерной фазой развития национальной культуры. Первый симптом поворота от политических к фи-

Николай
Владимирович
Станкевич

лософским проблемам возник еще до трагедии 14 декабря 1825 года. Началось с московского кружка «любомудров» («архивных юношей», по Пушкину), оказавшего большое влияние на личность и духовные интересы Николая Владимировича Станкевича — «человека сороковых годов», наставника В.Г. Белинского, Т.Н. Грановского,

П.З. Захаров-Чеченец.
Портрет Тимофея Николаевича Грановского.
Холст, масло. 1845 год.
Государственная
Третьяковская галерея

М.А. Бакунина, А.И. Герцена, И.С. Тургенева, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина, И.В. Киреевского...

В юношеских письмах Станкевич восторженно отзывается о В.Ф. Одоевском, С.П. Шевыреве, М.П. Погодине, К.С. Аксакове, братьях Киреевских. В 1824 году Одоевский подверг резкой критике французскую философию конца XVIII века, которая пи-

Иван Васильевич Киреевский

тала идеологию декабристов: «До сих пор философа не могут представить иначе, как в образе французского говоруна XVIII века, — много ли таких, которые могли бы измерить, сколь велико расстояние между истинною, небесною философией и философией Вольтеров и Гельвециев»¹⁴.

Вслед за Одоевским в 1826 году Дмитрий Владимирович Веневитинов заявил: «Самопознание — вот идея, одна только могущая одушевить вселенную, вот цель и венец человека»¹⁵. Роман-

Константин Сергеевич Аксаков

тизм начался с отрицания мировоззрения просветителей, нацеленного на изменение внешнего мира, на социально-экономическую перестройку общества, на реформирование его политико-правовых норм. Романтики сделали акцент не на внешних свободах, а на духовном преображении человека, этим путем надеясь прийти и к более глубокому переустройству мира. Революции социальной они противопоставили революцию духовную. Отрицая рационализм и атеизм французских просветителей, романтики мечтали о возрождении в человеке творческой энергии, которая питается христианской верой. Это явилось закономерным этапом формиро-

вания национального самосознания, без которого, по мысли московских «любомудров», невозможна была и подлинная нравственная свобода. И хотя русские западники часто склонялись к атеизму, И.С. Тургенев, прошедший школу философского идеализма, сохранял на сей счет особую позицию. В письме к Е.Е. Ламберт он говорил: «Да, земное все прах и тлен — и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру — имеет все и ничего потерять не может; а кто ее не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что сам принадлежу к неимущим! Но я еще не теряю надежды...» (П., IV, 306).

Иван Сергеевич не мог решить для себя вопрос о существовании Бога и бессмертии души однозначно. К существованию стоящей над людьми могущественной и благодатной силы он относился с постоянной, никогда не замолкавшей внутренней тревогой. Эта тревога являлась истоком его поэтического мироощущения. Когда А.И. Герцен, восхищенный финалом романа «Отцы и дети», написал Тургеневу: «Реквием на конце — с дальним апрошем к бессмертию души — хорош, но опасен; ты эдак не дай стрелка в мистицизм» (9, 474), — тот отвечал, что в мистицизм он не ударится, но в отношении к Богу придерживается мнения Фауста (строки из философской драмы Гёте, приводимые писателем в подлиннике, мы даем в переводе Б.Л. Пастернака):

*Кто, на поверку,
Разум чей
Сказать осмелится: «Я верю»?
Чье существо
Высокомерно скажет: «Я не верю»?
В Него,
Создателя всего,
Опоры
Всего: меня, тебя, простора
И Самого Себя?»¹⁶*

Поколение 1840-х годов, подхватив традиции «любомудров», запечатлело новую фазу в развитии русской куль-

туры. Пройдя через искусства немецкой классической философии, оно возвращалось к практическому действию, уже обогащенное философским самоуглублением и вооруженное диалектическим пониманием истории. Философское «умозрение» не осталось бесплодным. Шеллинг и Гегель дали русской молодежи оптимистический взгляд на жизнь природы и общества, веру в разумную целесообразность исторического процесса, устремленного к конечному торжеству правды, добра и красоты, к «мировой гармонии».

В период московского студенчества И.С. Тургенева в Москве уже существовал философский кружок Н.В. Станкевича. Но в него входили студенты старших курсов, и хотя Тургенев со Станкевичем познакомился, постоянным членом кружка не стал. Сближение произошло позднее, в годы его учебы в Берлинском университете.

В 1834 году старшего брата Николая определили в Петербургское

**Николай Сергеевич
Тургенев**

артиллерийское училище, и семья перебралась в столицу. Варвара Петровна в это время была в ссоре с мужем и лечилась за границей, а с детьми оставался отец. В мае Тургенев, сдав экзамены за первый курс, подал прошение о переводе его на историко-филологический факультет Петербургского университета. Прошение удовлетворили. В Петербурге он пережил одну за другой потери близких людей. В 1834 году скоропостижно скончался отец, в 1837-м — тяжело больной младший брат Сергей.

Окончив университет и получив степень кандидата, И.С. Тургенев продолжил образование в Берлинском университете (1838–1841). Здесь он дружески сошелся с колонией русских студентов — Н.В. Станкевичем, Т.Н. Грановским, Н.Г. Фроловым, Я.М. Неверовым, М.А. Бакуниним — и слушал лекции по философии из уст талантливого ученика Гегеля, поэта и драматурга, молодого профессора Карла Вердера (1806–1893), влюбленного в своих русских учеников.

* * *

В мае 1841 года И.С. Тургенев возвратился в Москву с надеждой получить степень магистра философии в Московском университете. Он стал бывать у Т.Н. Грановского, чей дом на Никитской улице являлся одним из средоточий западнического направления общественной и философской мысли. В круг московских западников входили литературный критик и очеркист В.П. Боткин, актер М.С. Щепкин, молодой кандидат Московского университета, будущий историк П.Н. Кудрявцев, магистр гражданского права К.Д. Кавелин, публицист, писатель, философ А.И. Герцен. Здесь уже не велись, как в Берлине, умозрительные абстрактные споры — речь шла об исторических судьбах России. Западники держались тесным обособленным кружком, решительно противопоставляя себя славянофилам. Такая резкая поляризация на первых

**Василий Петрович
Боткин**

**Петр Николаевич
Кудрявцев**

**Константин Дмитриевич
Кавелин.**
1840-е годы

порах озадачивала Тургенева: происходящее слишком контрастировало с жизнью в Берлине, где цариле единомышленники.

Отказывая России в праве на допетровское историческое предание, западники выводили из этого парадоксальную мысль о великом нашем преимуществе. Русский человек, не связанный узами исторической памяти, «прогрессивнее» любого европейца, потому что обладает безоглядной «переимчивостью». «Молодая нация» может безболезненно пересадить на собственную почву все передовое, заимствованное у Западной Европы, и благодаря этому совершить головокружительный скачок вперед. Такой ход мысли И.С. Тургенев разделял лишь в той мере, в какой одобрял идею русской «переимчивости», отзывчивости на все плодотворное, чем располагает Запад. Однако пренебрежительное отношение своих друзей к историческому прошлому России Тургенев принять не мог и поэтому в кружке западников часто высказывал расхопившиеся с их «символом веры» мнения. Придавая большое значение просвещению России, он оставался ценителем народной культуры, знатоком отечественной истории. Западнические пристрастия не мешали ему внимательно прислушиваться к голосам из противоположного лагеря.

Славянофилы говорили об исторической особости России. Если культура Запада уходит корнями в римскую государственность и католичество, то культура России вырастает на почве Древней Греции и православного христианства. Разные «культурные прививки» определили различие исторических путей. Отстаивая самобытную культуру своего отечества, славянофилы много сил отдавали изучению устного народного творчества, русских летописей, наследия отцов Церкви. В европеизации России они видели угрозу основам русского национального бытия и поэтому отрицательно относились к петровским преобразо-

А.М. Бакунин.
И.С. Тургенев
в утреннем колпаке
(И.С. Тургенев
за работой). 1841 год

ваниям, выступали активными противниками крепостного права, ратовали за свободу слова, призывали решать важнейшие экономические и политические вопросы на Земском соборе, состоящем из представителей всех сословий.

Но одновременно славянофилы решительно возражали против введения на Руси буржуазной демократии, считая необходимым сохранение самодержавия, реформированного в духе «соборных» идеалов. В настоящий момент самодержавие превратилось в «самовластье», противопоставив себя «земле». Разрыв между «землей» и «властью» усугубила реформа Петра I, создавшая враждебную народу прослойку правящей бюрократии. Таким образом, самодержавие нуждается в радикальном переустройстве. Оно должно стать на путь добровольного сотрудничества с «землей», а в своих решениях опираться на мнение народное, гласом которого явится Земский собор. Государь на Соборе призван выслушивать представителей всех сословий, но принимать окончательное решение единолично в соответствии с христианскими идеалами «простоты, добра и правды». Не парламентская демократия с «диктатурой большинства», а согласие, приводящее к единодушному подчинению державной воле, свободной от любой сословной ограниченности и служа-

Петр Васильевич
Киреевский

Алексей Иванович
Хомяков. Автопортрет.
Фрагмент. Холст, масло.
1842 год

Иван Сергеевич Аксаков

И.С. Тургенев.
Дагерротип.
1840-е годы

щей исключительно общенациональным интересам.

В салоне Авдотьи Петровны Елагинной в конце 1841 — начале 1842 года И.С. Тургенев встречался и беседовал с братьями Иваном и Петром Киреевскими, Алексеем Хомяковым, Константином и Иваном Аксаковыми. Но чем внимательнее вслушивался он в речи этих умных людей, искренних патриотов, тем чаще его посещали сомнения. Настаивая на самобытности исторического развития России, славянофилы утверждали: русскому человеку вообще нечему учиться на Западе; Петр Великий, прорубивший «окно в Европу», совлек Россию с ее истинного пути; европеизированная культура «верхов» призрачна и совершенно оторвана от подлинно народных интересов и потребностей, от исторических преданий.

Складывалось впечатление, что участники полемики впадали в «противоположные общие места»: славянофилы отлучали Россию от Европы со знаком «минус», западники — со знаком «плюс», а истина оставалась где-то посередине. Тургенев, хорошо знакомый с наиболее темными сторонами крепостничества, не был склонен идеализировать патриархальный

крестьянский быт, да и национальное самомнение со времен берлинских лекций он считал свойством, унижающим великий народ.

В Москве И.С. Тургенев часто посещал дом опального декабриста Михаила Федоровича Орлова, где встретился и подружился с начинающим поэтом Яковом Петровичем Полонским.

По возвращении из Берлина Тургенев подал прошение на имя ректора Московского университета о допуске к сдаче магистерских экзаменов

Яков Петрович
Полонский

Варвара Петровна
Тургенева

Дом В.П. Тургеневой
на Остоженке

и, поселившись в новом особняке на Остоженке, купленном к приезду сына Варварой Петровной, ждал разрешения. Варвара Петровна мечтала о совместной жизни с ним в Москве: «Я не верю своему счастью. Как?.. Иван... Ты подлинно хочешь исполнить мои любимые мечты. Ты будешь моим кормильцем. Будешь покоить мою большую старость. Ты будешь профессором при Московском университете. Неужели?» (262). Однако жить с матерью под одной крышей, перенося бесконечные капризы, Тургенев опасался: «День ее, нерадостный и ненастный, давно прошел; но и вечер ее был чернее ночи» (Соч. 5,

264), — писал он в рассказе «Муму». Задумываясь впоследствии над своим детством и юностью, над судьбой родителей, Иван Сергеевич отмечал: «Условия, в которых мы все воспитались и выросли, сложились особенным, небывалым образом, который едва ли повторится» (Соч. 9, 374). Семейная драма Тургеневых осложнялась драмой общественной, именуемой крепостным правом, которое, по словам М.Е. Салтыкова-Щедрина, «втягивало все сословия в омут унижительного бесправия, всевозможных изворотов лукавства и страха перед перспективою быть ежечасно раздавленным»¹⁷. С детских лет И.С. Тургенев чувствовал, что его личные обиды и беды являются отголоском всенародной беды.

...Жил в одном из отдаленных имений матери статный и рослый великан — глухонемой крестьянин Андрей. Заприметила однажды Варвара Петровна его богатырскую фигуру на хлебном поле и приказала управляющему немедленно доставить мужика в усадьбу. Беззащитного, ничего не понимающего Андрея усадили в телегу и привезли на барский двор. Что творилось в душе этого пахаря, оторванного от родной почвы, от привычных крестьянских трудов? До переживания Андрея Варваре Петровне не было никакого дела. На мужиков она

смотрела как на свою собственность: нравящееся барыне должно приносить радость рабу. Чего только ни делал немой Андрей по прихотям капризной госпожи, каких только должностей ни исправлял. В Спасском он был «господским скороходом». Одна из воспитанниц Варвары Петровны вспоминала: «До сих пор живо представляется мне, как по дороге, ведущей к нашему дому, шагает гигант с сумкой на шее, с такой же длинной палкой, как и он

Публикация рассказа «Муму» в журнале «Современник». 1854 год

И.С. Тургенев. Дагерротип. 1840-е годы

сам, в одной руке, а в другой — с запиской от Варвары Петровны»¹⁸. Случилось что-нибудь? Как же! Госпожа соскучилась по своей воспитаннице и приглашала ее в гости — того ради «скороходу» пришлось проделать путь в 120 верст. В 70 верстах от Спасского жила Авдотья Ивановна Лагрявая. К ней «скорохода» посылали за горшочком каши — Варвара Петровна считала, что ее повара гречневую кашу готовить не умели.

В московском доме на Остоженке немой состоял дворником. Об этом периоде его жизни поведал И.С. Тур-

генов в рассказе «Муму», назвав главного героя Герасимом. Рассказ достоверен во всем, за исключением концовки: Андрей действительно утопил бедную собачонку, но бросить госпожу и самовольно уйти в родную деревню не решился¹⁹.

* * *

Между тем на поданное прошение последовал отказ: выяснилось, что в Московском университете принимать экзамены попросту некому, поскольку кафедра философии в нем упразднена. После 14 декабря 1825 года Николай I вообще не жаловал западноевропейской «премудрости» и не поощрял открытие подобных кафедр. В конце марта 1842 года И.С. Тургенев отправляется в Петербург, где получает разрешение держать магистерские экзамены и успешно сдает их со следующими оценками: философия — «очень хорошо», латинская словесность — «хорошо», греческая словесность — «очень хорошо». Но для получения степени магистра требовалась еще и диссертация, сочинить которую Иван Сергеевич так и не удосужился. Судя по письмам к друзьям, интерес к философии у него начинает пропадать. «С большим трудом и душераздирающей зевотой» он «читает скучного и сухого Фихте», а после экзамена пишет А. Бакунину: «Объявляю вам, что я выдержал экзамен по философии блестящим образом — то есть наговорил с три короба разных общих мест — и привел профессоров в восторг, хотя я уверен, что все специально-ученые (историки, математики и т. д.) не могли внутренне не презирать и философию, и меня» (П. 1, 224). То, чему в Берлине Тургенев поклонялся со священным трепетом, теперь стало для него предметом насмешки; дальнейших шагов на философском поприще он не предпринимал.

Зимой 1843 года общественную жизнь Москвы оживили публичные лекции Т.Н. Грановского по истории

позднего Средневековья. Сперва казалось, что успех этих лекций станет сигналом к примирению враждующих партий. Даже Хомякову славянофильская «мурмолка» не мешала с величайшим усердием аплодировать красноречию и простоте речи Грановского и публично заявлять, что крайности мысли не мешают добродушному русскому единству. Лекции продолжались и в 1844 году с таким же успехом, а завершились общим обедом западников и славянофилов, на котором И.В. Киреевский, обнимая А.И. Герцена, просил его лишь об одном — заменить в фамилии вторую букву «е» на «ы»: «Герцын», мол, будет благозвучнее для русского уха. «Он и с “е” хорош, он и с “е” русский!» — уверял подгулявший профессор российской словесности Степан Петрович Шевырев. Возникла даже идея общего для славянофилов и западников журнала под редакцией Грановского. Направили прошение на сей счет в вышестоящие инстанции.

Тем временем славянофилы приняли от С.П. Шевырева и М.П. Погодина «умирающий» «Москвитянин» и предложили западникам сотрудничество в нем. Однако Грановский с Герценом заподозрили здесь лукавство: им показалось, что задержка официального разрешения на издание нового журнала — следствие «тайных козней» славянофилов.

Вскоре возникли и другие поводы для размолвки. Шевырев начал читать в Москве публичные лекции «История русской словесности, преимущественно древней», опровергая западнический взгляд на прошлое России, — причем успех его ждал не меньший, чем выпавший на долю Грановского. В.Г. Белинский ворчал из Петербурга: «Наша публика — мешанина во дворянстве: ее лишь бы пригласили в парадно-освещенную залу, а уж она из благодарности, что ее, холопа, пустили в барские хоромы, непременно останется всем довольною. Для нее хорош и Грановский, да недурен и Шевырев;

Э.Л. Лами. Портрет И.С. Тургенева. Холст, масло. 1843–1844 годы. Государственный литературный музей

Николай Михайлович Языков. Литография Р. Гундризера с рисунка Хрипкова. 1829 год

интересен Вильмен, да любопытен и Греч. Лучшим она всегда считает того, кто читал последний»²⁰.

Казалось, славянофилы могут праздновать победу. Поэт Н.М. Языков, восхваляя «жреца науки и воина правды» Шевырева, о врагах-западниках отозвался так:

*Родной язык им непонятен,
Им безответна и смешна
Своя земля, их ум развратен,
И совесть их прокажена*²¹.

«В 1844 году, когда наши споры дошли до того, что ни “славяне”, ни мы не хотели больше встречаться, — вспоминал Герцен, — я как-то шел по улице; К. Аксаков ехал в санях. Я дружески поклонился ему. Он было проехал, но вдруг остановил кучера, вышел из саней и подошел ко мне.

— Мне было слишком больно, — сказал он, — проехать мимо вас и не проститься с вами. Вы понимаете, что после всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду к вам ездить; жаль, жаль, но делать нечего. Я хотел пожать вам руку и проститься. — Он быстро пошел

к саням, но вдруг воротился; я стоял на том же месте, мне было грустно; он бросился ко мне, обнял меня и крепко поцеловал. У меня были слезы на глазах. Как я любил его в эту минуту ссоры» (5, 164).

Раскол западников и славянофилов по законам диалектики на пределе обострения противоречий породил стремление к грядущему «снятию» последних: и внутри славянофильства, и внутри западничества наметилась поляризация. В 1845 году славянофилы окончательно разошлись с идеологами «официальной народности» Погодиным и Шевыревым, делая тем самым существенную уступку западнической партии, которая подчеркивала ущербность догматических утверждений этих мыслителей по поводу «разлагающегося

совпадают в последней точке своего развития в одну любовь, в одно стремление к живому, полному, всечеловеческому и истинно-христианскому просвещению»²².

Западники же, в свою очередь, обратили внимание на демократические стороны учения славянофилов. Летние месяцы 1845–1846 годов они проводили в беседах и пирах на подмосковной даче Герцена в Соколово. Однажды господа остановились на кромке хлебного поля перед крестьянками, которые, не обращая на них внимания, жали рожь в открытых сарафанах. Кто-то пренебрежительно заметил, что только русская женщина ни перед кем не стыдится, а потому и перед ней не стыдится никто. Грановский вспыхнул и сказал: «Надо прибавить, что

В.Ф. Тимм.
Русские писатели
И.С. Тургенев,
В.А. Соллогуб,
Л.Н. Толстой,
Н.А. Некрасов,
Д.В. Григорьевич,
И.И. Панаев

Запада» и «процветающей России». В «Обзрении современного состояния литературы» И.В. Киреевский подверг критике взгляд Шевырева на европейское образование: «Любовь к образованности европейской, равно как и любовь к нашей — обе

факт этот составляет позор не для русской женщины из народа, а для тех, кто довел ее до этого и кто привык относиться к ней цинически. Большой грех за последнее лежит на нашей русской литературе. Я никак не могу согласиться, чтобы она

хорошо делала, потворствуя косвенно этого рода цинизму распространением презрительного взгляда на народность»²³. Грановского горячо поддержал Герцен, записавший в дневнике: «Странное положение мое: [перед славянофилами] я человек Запада, перед их врагами человек Востока. Из этого следует, что для нашего времени эти односторонние определения не годятся» (9, 171). Именно Герцен одним из первых в среде западников правильно оценил значение поднимаемых славянофилами тем, создавая в конце 1845 года антикрепостническую повесть «Сорока-воровка». Вслед за ним и Тургенев приступил к «Запискам охотника». Так получилось, что сокровенные чаяния и заботы сла-

вянофилов литературное воплощение впервые получили в творчестве западников. А в заключение уместно будет привести знаменитые слова все того же Александра Ивановича Герцена: «Да, мы были противниками, но очень странными. У нас была *одна* любовь, но не *одинакая*. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы — за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно*» (5, 171).

¹Долгоруков (Долгорукий) Иван Михайлович (1764–1823) — поэт, драматург, мемуарист. Здесь имеется в виду его стихотворение «Пир».

²Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 тт. Т. 7. М., 1964. С. 272–273. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

³Байрон Дж.Г. Бронзовый век (<http://www.wysotsky.com/0009/021.htm>).

⁴Мельгунов Н.А. Несколько слов о Москве и Петербурге. СПб., 2000.

⁵Герцен А.И. Собр. соч. в 9 тт. Т. 5. М., 1956. С. 32. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

⁶Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 14. Л., 1976. С. 213.

⁷Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28 тт. М. — Л., 1960–1968. Сочинения. Т. 6. С. 202. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием серии (сочинения — Соч., Письма — П.), тома и страницы.

⁸Записки Александра Михайловича Тургенева. 1772–1863 // Русская старина. 1885. Т. 47. №9. С. 366.

⁹Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838–1844). Тула, 2012. С. 276–277. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.

¹⁰Житова В.Н. Из воспоминаний о семье И.С. Тургенева // И.С. Тургенев в воспомина-

ниях современников Т. 1. М., 1983. С. 39. Фраза, сказанная В.П. Тургеневой по-французски, дана в русском переводе.

¹¹Чернов Н. Спасско-Лутовиновская хроника. 1813–1883. Документальные страницы литературной и житейской летописи. Тула, 1999. С. 35.

¹²Цит. по: Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1818–1858). СПб., 1995. С. 23.

¹³Гончаров И.А. Собрание сочинений в 8 тт. Т. 7. М., 1954. С. 195. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

¹⁴«Мнемозина». 1824. Ч. IV. С. 163.

¹⁵Веневитинов Д. Сочинения. Ч. 2. Проза. М., 1831. С. 24.

¹⁶Гёте И.В. Собр. соч. в 10 тт. Т. 2. М., 1976. С. 132.

¹⁷Салтыков-Шедрин М.Е. Собр. соч. в 20 тт. Т. 17. М., 1975. С. 9.

¹⁸Колонтаева В. Воспоминания о селе Спасском // Исторический вестник. 1885. №10. С. 45.

¹⁹См. об этом: Житова В.Н. Указ. соч. С. 49–51.

²⁰Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. М., 1982. С. 573.

²¹Языков Н.М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 358.

²²Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 192.

²³Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 252.